

Григорій Варсава Сковорода

Любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову

желаєт мира божія.

Проживая дни жизни по оному Сираховскому тупику?: "Блажен муж, иже в премудрости умрет и иже в разумѣ своем поучается святыни, размышляя пути ея в сердцѣ своем, и в сокровенных ея уразумится", соплел я в сіє 1787-е лѣто маленькую плетеницу, или корзинку, нареченную "Благодарный Еродій". Се тебѣ дар, друже! Прійми его, Еродіа, по-еродіеву, прійми парящаго и сам сый парящій. Прійми сердцем Еродієво сердце, птица птицу. "Душа наша яко птица". Да будет плетенка сія зеркалом тебѣ сердца моего и памятною нашея дружбы в послѣдняя лѣта. Ты видь отец еси и сам птенцы твоя воспитуеши. Я же есмѣ друг твой, принесшій плетенку сію. В ней для младаго ума твоих птенцов обрящеши оп-риснок от оных хлебов: "Хлѣб сердце человѣку укрѣпит". Всѣх в них зело сіє сице: яко живет средѣ вас нѣчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явитися во свое ему время. Вы же со благоговѣніем ждите, яко рабы, чающіи господа своего... Ничто же бо естѣ бог, то-чію сердце вселенная; наше же сердце нам же естѣ господѣ и дух. Сіє домашнее они свое благо со временем узнав и плѣннися прекрасною его добротою, не станут безобразно и бѣсновато гонитися за мырскими суетами и во всѣх злоудачах возмогут себе утѣшити сею давидскою пѣсенькою: "Возвратися, душа моя, в покой твой и стези своя посредѣ себе упокоят со Исаією". Ничим же бо бездна сія сердце наше удовлетворяется, токмо са?мо собою, и тогда-то в нем сіяет вѣчная радости весна. Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирѣчь истинный отец; чада же твоя будут истинный, благодарный, благочестивый и самодовольный еродіи. Протчее же подобает нѣчто сказати о еродійской природѣ. Они подобны журавлям, но светлѣйшее періе и коралловый или светло-червлєнный нос. Непримиримый враги зміям и буфонам, значит — ядовитым жабам. Имя сіє (???????) есть еллинское, значит — боголюбный,

інаچه звется (пеларго?с і ерога?с), рымскі — киконія, польскі — боцянь, ма-лоросійскі — гайстер. Сія птуца асвятілася ў богасловская гаданія сваяе благодарнасці, прозорлівасці і чалавколюбія. Поминает яе Давід і Іеремія. Яны кормляць і носяць родіцель, паче жэ прэстарных. Гніздыцца на дамах, на кідраках, на іх шпіцах і на турнях, сярч горніцах, пірамідах, тэрамах, вольно, вольно. У Гунгарыі відл я на камінах. Гаданіе — елінскі — сімволон. Первы сімвол складае яна сёй: сідзіць у гнізді, на храме святам утвэрджаным. Пад абразам падпіс такі: "Господь утвэрджаніе мае". Другой сімвол: стойць адзін Еродій. Падпіс сій: "Нішто жэ сільней блаславенства". Трэці сімвол: Еродій тэрае змя. Падпіс: "Не вяртаюся, дондзе скончаюцца". Сій тры сімвалы да будуць знаменіем, гербом і печатю кніжыцы сея. Яна совершылася ў першую квадру1 первага луны осіння. Амінь!

"Таму птуцы возгніздыцца". "Еродіево жыл[ішце] прэвод[іцельствуе] імі" (Псалом). "Еродій позна врэмя свое" (Іеремія).

Главізна і твэрдь кніжыцы.

"Прыйдзіце, чада, паслушаіце мяне, страху госпадня наву ча вас" (Давід).

"Ащэ сэрца наша не асуджае нас, дэрзновеніе імамы" (Іоанн).

"Сыне! храни сэрца твое, любі душу твою" (Сірах), "Разумыв праведнік, себн друг будэць" (Саломон).

"Чалавк у чэсты сый не разумн..." (Давід). "Всяк дух, іже не ісповедуе Ісуса Хрыста во плоті прішэдша, от бога ннсть" (Іоанн).

"Еродій позна врэмя свое, Ізраіль жэ мяне не позна" (Іеремія).

"Неблагодарнаго упаваніе, яко іней зімны, растае і ізліецца, яко вода неключіма" (Саломон).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА ЕРОДІЙ.

В ней разглагольствует обезяна

со гиенцем Еродіевым о воспитаніи.

Обезяна, по древней своей фамилии именуемая Пишек. Она во африканских горах на рясном и превознесенном древн со двома чад своих седмицами сидѣла. В то же время пролѣтал мимо младый Еродій. Госпожа Пишек, узрѣв его: — Еродій, Еродій! — воззвала к нему, — друг мой Еродій, сын пелергов! Радуйся! Мир тебѣ! Хатре! Салам али кюм!..2

Е р о д і й. А-а! Всемиловитая государыня! Бонжур!3 Кали? име?ра! День добрый! Gehorsamer Diener!4 Дай бог радоваться! Salve!5 Спасайся во господѣ!..

П и ш е к. Ай, друг ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучал тебе попугай. Куда бог несет?

Е р о д і й. Лечу за пищу для родителей.

П и ш е к. Вот бѣда! Ты ли родителей, а не они тебе кормят?

Е р о д і й. Сіє нѣсть бѣда, но веселіє и блаженство мое. Они кормили мене в младости моей от младых ногтей моих, а мнѣ подобает кормити их при старости их. Сіє у нас нарицается аутілеХарувіу, сирѣчь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и еллины весь наших птиц род называют пеларгос. Но мы их не точію кормим, но и носим за немощь и старость их.

П и ш е к. Чудо преестественное!, Новость, рѣдкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери чад?

Е р о д і й. Я и мнїйшій мене брат Ерогас, и сестра Киконїа.

П и ш е к. Гдї вы обучалися во отроческіи лїта?

Е р о д і й. Нигдї. Мене и брата научил отец, а мати сестру.

П и ш е к. О, мой боже! Вездї цветут славныи училища, в коих всеязычныи обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитанїя?

Е р о д і й. Для того же то самага сами нас воспитали родители.

П и ш е к. Да его ли дїло учить и воспитывать? Развї мало у нас вездї учителей?

Е р о д і й. Он сам великій к сему охотник, а мати ему во всем послїдует. Он славословит, яко двї суть главный родительскїя должности сїи: "Благо родить и благо научить". Аще кто ни единый от сих двоих заповїдей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей нїсть отец чаду, но виновник вїчныя погибели. Аще же родил видно благо, но не научил, таков, рече, естї полу-отец, яко же достойно есть полу-мати, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол мастерства своего доилицї и погубившая половину чадолюбїя. Аще-де мїсто владычнее сидїнем рабским безчестится, како не безобразится отческая должность, исправляема рабом или наемником? Буде же отец извиняется скудостїю времени, прощается тогда, когда обрящет лучшее дїло. Но ничто же лучше естї благого воспитанїя: ни чин, ни богатство, ни фамиліа, ни милость вельмож, развї благое рожденїе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сїмя щастїю и зерно воспитанїю.

П и ш е к. Благо родитї разумїеши ли что ли?

Е р о д і й. Не знаю. Знаю же, что он сїе поставляет известным для единых избранных божїих. Иногда-де во убогом домикї, исполненном

страха божія, друг роду человеческого благо родится человек, не всегда же и в царских чертогах. Да уразумѣем, яко не красота мыра сего, ни тварь кая-либо, но едина благодать божія благому рожденію виновна бывает и яко благородство не лѣтами к нам прицепляется, но раждается зѣрно его с нами. Знаю же и сіє, яко мой отец, разъярен от коего-либо негодяя, стрѣляет на его сими словами:

O quarta luna seminate!

O malo utero gestate!

O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не обык никого.

П и ш е к. Протолкуй же мнѣ сій уязвленія.

Е р о д і й. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

О в четверту луну посѣян!

О злѣ чревоноше?н матерью!

О злый у?ме и злая вродо!

П и ш е к. Конечно, отец твой знает римскій и еллинскій язык?

Е р о д і й. Столько знает, сколько попугай по-французски.

П и ш е к. Что се? Не ругаешься ли отцу твоему?

Е р о д і й. Сохрани мя, господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

П и ш е к. Как же он, не научен римски, гово?рит римски?

Е р о д і й. Есть у его друг, нехудо знающій римски и маленьку часть еллински. С ним он, часто бесѣдая, научился сказать нѣсколько слов и нѣсколько сентенцій.

П и ш е к. Ах, мой боже! Как же он могл вас воспитать, невѣжда сый?

Е р о д і й. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сія: "Не ходи в чужій монастыр с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком". У нас не как у вас, но совсѣм иной род воспитанія в модѣ. У вас воспитаніе зѣло драгое. У нас же вельми дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою цѣною.

П и ш е к. Бездѣлица! Сотню рубликов с хвостиком поряты в год на малчика, а чрез 5 лѣт вдруг он тебѣ и умница.

Е р о д і й. Госпоже Деньга достает и за морем. Но гдѣ ее взять? А воспитаніе и убогим нужно есть. И кошка блудлива не находит себѣ пристанища. Избавляет же от блуда нас не деньга, но молитва туне.

П и ш е к. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитаніи.

Е р о д і й. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитаніи.

П и ш е к. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержи? шься. Однако, скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметикѣ ли и геометріи? Ученому ли коему или шляхетному язы?ку?..

Е р о д і й. Да мнѣ и сіе невѣдомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

П и ш е к. Да ты же со мною привитался разными язы?ками.

Е р о д і й. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

П и ш е к. По крайней м?рн та?нчить или играть на лютню...

Е р о д і й. А бог з вами! Я и на балалайку, не только на цымбалах не ум?ю.

П и ш е к. Ха! Ха! Хе! Ему лютня и цымбали все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка великое врачевство? во скорбех, ут?ха же в печали и забава в щастіи. Да чего же он тебе научил? Скажи, пожалуй!

Е р о д і й. Ничего.

П и ш е к. Умора, ей-ей! уморил ты мене см?хом... Так, так-то у вас воспитывают?

Е р о д і й. Так!

П и ш е к. Может быть, достал теб? чинок?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Может быть, деньгу вам велику собрал или им?ніе?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Так что же? Роги золотыя вам на голов? возрастил, что ли?

Е р о д і й. Родил и возрастил нам посребре?нныя крила, ноги, попирающие главы зм?ев, нос, разстерзающ?й оныя. Се наша и пища, и слава, и забава!

П и ш е к. Да у вас же крила черныя, по крайней мѣрѣ смуглыя.

Е р о д і й. Черныя видѣ, но лѣтают путем посребренным.

П и ш е к. Чего же либо научил вас, однакъ: нельзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вам напечатанное. Родители суть божій, чада же суть родительскій список, изображеніе, копія. Как от яблони соки во вѣтвы своя, так родительскій дух и нрав переходит в чада, дондеже отлучатся и нововкоренятся.

Еродій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навичить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть звычайный, хоть привычный есть то же. От природы, яко матери, легесенько спшет наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновение навичишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправишь на Каказныя горы, привлечешь пить без труда из чистѣйших нагорных водотечей, но не велблюда и не вепра. Аще всяческая строит премудрая и блаженная натура, тогда како не единая она и исцѣляет и научает? Всякое дѣло спшет, аще она путеводствует. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будьте дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит!. Клубок сам собою поточится из горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его котиться, а только помагай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрѣжь волчцы?, очисти гусенѣ, отврати устремляющуюся на корень ея урынуб и протчая. Учитель и врач — нѣсть врач и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и лечебницы, и учительницы. Буде кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто же от человек, от бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзает без бога научить или научиться, да памятует пословицу: "Волка в плуг, а он в луг". Доколѣ колцо висит из ноздрей свиніи, дотолѣ не роет. Выйми же, паки безобразит землю.

Сіє ннсть воспитаніє и ннсть ученіє, но обузданіє, от человекскія помощи происходящее, всѣх беззаконников управляющее. Воспитаніє же истекает от природы, вливающія в сердце снмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно днлаем все тое, еже свято и угодно есть пред богом и человекки. Коликое идолопоклонство восписывать человекским наукам и человекским языкам восприносить и воспрпчитать воспитаніє? Кая полза ангелскій язык без добрыя мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благого? Развн, еже орудіє злобы, бншенству меч и притчею сказать "крила и роги свиніи". Воззрим, госпоже моя, на весь род человекскій! У них науки, яко же на торжищах купля, кипят и мятутся. Обаче, они хищнне суть птиц, невоздержнне скотов, злобнне звнрей, лукавнне гадов, безпокойнне рыб, невнрнне моря, опаснне африканских пнсков... Чего ради? Того ради, яко злн ро?дятся. Природа благая естн всему начало и без нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благодарю убо неизреченным образом богу во образн его святом, во отцн моем, яко благо от его родитися сподобил мя есть. Вторая же икона божія нам есть мати наша. Сего ради главным божіим дарованієм одарен чрез родителей моих; все протчее человекское:чин, богатство, науки и всн внтроносныи их блонды и пукли с кудрями вмнню во хвост, без коего голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы.

П и ш е к. Убо что ли есть благо родитися и благая природа есть что ли?

Е р о д і й. Благая природа и врода есть благое сердце.

П и ш е к. Что ли есть сердце благое?

Е р о д і й. Сердце благое есть то же, что приснотекущій источник, точащій чистыя внчно струи, знай, мысли.

П и ш е к. Что ли суть мысли?

Е р о д і й. Снмя благих днл.

П и ш е к. Днла же благая суть что ли?

Е р о д і й. Добрыи плоды, приносиміи богу, родителям, благоднтелям
в честь, славу и жертву.

П и ш е к. Зачем же мнн сердце твое не видно?

Е р о д і й. Тнм, что древеснаго корня не видишь.

П и ш е к. А ведь вся влага от кореня?

Е р о д і й. От сердца же всн совнты.

П и ш е к. Как же твоя природа или врода? К чему ты рожден или
врожденное тебн, что ли? Скажи, молю!

Е р о д і й. Благодарность — вот вам начало и конец моего рожденія!

П и ш е к. Ах, мой боже! И ты на сем одном храмину щастія основал?
Тако ли?

Е роді й. Ей-ей! Тритысящолнтная пещь неопално соблюла притчу
сію; "Много хитростей знает лис, а еж одно великое".

П и ш е к. Но может ли от дождевных безгодій спасти сія, так
сказать, куртая и куцая куртинка?

Е р о д і й. Довлндет, как ковчег.

П и ш е к. Мнн кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Е р о д і й. И мнѣ видится малым червончик, но тайно там много сидит гривень.

П и ш е к. Сего же то ли единого учит тебе твой отец?

Е р о д і й. Единого тобою сего. Он родил мнѣ крила, а я сам научился лѣтать. Он вродил мнѣ благое сердце, я же самовольно навыкаю и глумлюся, сирѣчь забавляюся благодарностію. Он только часто отсекает мнѣ волчцы?, разумнѣй, поступки мои, не сличны благодаренію, орошает бесѣдою, оживляющею ко благодарности. Всѣ же бесѣды его, как магнитная стрѣла в сѣверную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мученій, благодарная же воля есть всѣх сладостей рай. Сыне (часто вопіет на мене), сыне мой! Ей, учися единыя благодарности. Учися, сидяй в дому, летяй путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоея. Да будет она тебѣ сладчайшим и вечерним, и ранним, и обѣдним куском! Знай, что всѣ протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буй! Не хватайся за хвост, минув голову. Приемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, кои пѣсок, черепашины и камушки обращают себѣ вареніем крѣпкаго своего внутренняго жара в питательный свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что бо?льный желудок, гнушающійся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, приемлющаго все во благо и укрепляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же их и древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню земном есть благодарность. Она ест дух чистый, тихий, благодушный, благовонный, весна и ведро свѣтлаго смысла. Не трещит там молнія и гром. Вопреки же, все терніе и волчцы раждаются от несытыя пиявицы зависти, завить же от ропота, ропот же от неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нѣдро неусыпаемым червием, безпереривно денно и ношно душу гризущим. Ах! Дѣти мои, дѣти! Вот вам надежда и гавань! Еухаристія.

П и ш е к. А что ли сіе слово значит (еухаристія)?

Е р о д і й. Еллины сим словом называют благодареніе.

П и ш е к. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сіе благодареніе ваше воздавать будете?

Е р о д і й. Богу, родителям и благодѣтелям. Оно богу жертва, родителям честь, а благодѣтелям воздаяніе. Обладатели суть первый благодѣтели.

П и ш е к. Чудная форма воспитанія. У нас бы осмѣяли из ног до головы вас. Гдѣ сія мода? Развѣ в Лунѣ или в дикой Америкѣ?

Е р о д і й. Отец наш вельми страннаго сердца. Из тысящи сердец едва одно найти, согласное ему.

П и ш е к. Так что же протчее?

Е р о д і й. Так не дивитесь чудной формѣ.

П и ш е к. Как же так? Видь не должно отставать от людей, а люде и мода одна то.

Е р о д і й. О! о! Он то сея думы далечает, нежели китайская столица от португалскія. Он нам часто-пречасто сію притчу спѣвает:

По мосту, мосточку с народом ходи,

По разуму ж его себе не веди.

За жуком ползая, влѣзешь и сам в глинку.

Он всегда благовѣстит нам, что мода тожде есть, что мыр, мыр же есть море потопляющихся, страна морового язвою прокаженных, ограда

лютых львов, острог плһненных, торжище блудников, удица
сластолюбная, печь, распалаящая похоти, пир бһснующихся, лик и
коровод пьяно-сумозбродных и не истрезвлятся, дондеже изнурятя,
кратко сказать, слһпцы за слһпцем в бездну грядуще. Блажен муж, иже
не идет на путь его. В началһ видь врата его красны и путь пространный,
конец же его — непроходимая пропасть, нетре?нная дебря, бездна
глубока. Ах, каковых он приемлет к себһ? Каковыми же паки отпускает от
себе юнош? Если бы ваше, дһти мои, око прозирало так, как мое,
показались бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слһпо, и злодһй
ваш хитр, сие источает мнһ слезы. О юноши! Когда помышляю о вас, в
мир устремляющихся, нелзя, чтоб не пала мнһ во ум притча о волкһ, кой,
пожерши мать незлобных агнцов и надһв кожу ея на себе,
приблизился к стаду. Сын же, увидһв мнимую мать свою, со всһх сил
устремился к ней, а за ним безчисленныи. Також-де мнһ приходят на
память наша братия — птицы тетерваки?, ганяющіися за изобиліем пици
и уловляемый. Но чайки, сосһдки и дятлы бережливһе их столько,
сколько елени и сайгаки овец и волов. Послушайте, дһти, отца вашего
пһсеньки сея:

Будь доволен малым. За многим не гонися.

Сһти, простерты на лов,— вельми бережися.

Я вам предсказываю — роскошно не жити!

На таковых-то всегда запинают сһти.

Триста пали в неволю по горячей страсти,

Шестьсот плачут в болһзнях за временны сласти.

Кто благодарен богу, тот малым доволен,

А ропотник всһм миром не сыт и не полен.

Благодарная душа избежит от сѣти;

Вмѣсто же ея в сѣти попадет несытый.

Не правду ли я сказал, госпоже моя, что отец наш нравоученіе всегда печатлѣет благодарностію? Во благодарности (рече) так сокрылося всякое благо, как огонь и свѣтъ утаился во кремешкѣ. Вѣрую и исповѣдую. Кто бо может возложить руки на чуждое, аще не прежде погубит благодарность, довольствующуюся собственным своим посылаемым ей от бога? Из неблагодарности уныніе, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лесть, хищеніе, татьба, кровопролитіе и вся беззаконій бездна. В безднѣ же сей царствует вѣчная печаль, смущеніе, отчаяніе и с неусыпным червѣм удка, увязшая в сердце. Сим образом живет весь мыр.

П и ш е к. Но, друг мой, поколь мыр впадет в ров отчаянія, вы с вашею богинею, благодарностію, прежде погибнете от глада, не научившись сыскать мѣсто для пропитанія.

Е р о д і й. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Имѣть пропитаніе? Вижу убо нынѣ, что по вашей желудковой и череватой философіи блаженнѣйшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья.

П и ш е к. Вот он! Чорт знает что поет! Развѣ же голод то не му?ка?

Е р о д і й. Сію му?ку исцѣлит мука?.

П и ш е к. Да гдѣ же ее взять?

Е р о д і й. Когда свинія имѣет, как ли нам не достать пищи? Да и гдѣ вы видите, что свинія или наш брат, тетервак, от глада умирает? Но от прожорства или умирает, или страдает. Может ли быть безуміе безумнѣйшее и мерзостнѣйшая неблагодарность богу, промышляющему о нас, как бояться глада? Нужнаго видѣ никто не лишается. Почто

клеветаете на владыку вселенных, аки бы он гладом погублял своих домочадцев? Пища насущна от небесного отца всем подается тварям. Будь только малым доволен. Не жажди ненужного и лишнего. Не за нужным, но за лишним за море плывут. От ненужного и лишнего — всякая трудность, всяка погибель. Всякая нужность видь есть дешава и всякая лишность есть дорога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не нужна и напротив того. Мы гайстры есмы. Ямы зеліе, вкушаем зерно, поядаем змій, рѣдко снѣдаем буфоны и пици никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О боже! Кая чародѣйка ослѣпила очи наши не видѣти, что природная нужда малою малостію и малским малым удовлетворяется и что необузданная похоть есть тожде, что питливая пѣвица, раждающая во един ден тысящу дщерей, никогда же рекших: "Довлет!>

П и ш е к. Отрыгну слово еллинское ??????? (мала эй) или турецкое пек эй.— "Вельми? добрѣ". "Благо же!" Но питливая пѣвица разнообразно из околичностей может видь помалу-малу насосать себѣ многого добраца, но уже сухая ваша, намазаная, по пословицѣ, и нѣмая благодарность, скажи, молю, кѣм вам принесет плоды? Чино?к ли, или грунтик, или имперіалик, что ли? Скажи, умилосердись!

Е р о д і й. Она нам не приносит многих плодов, но един великій.

П и ш е к. В одном не много видь добраго найдешь.

Е р о д і й. Отец наш словословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нѣсть блаженая; токмо блаженное есть едино тое, что единое точію есть. Но сем едином, сего же ради и святом, птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ; еродіево же жилище предводителствует ими. "Окаянен (рече) всяк человек есть и все мятется, не обрѣтшій единое".

П и ш е к. Да подай же мнѣ в руки оное твое единое!

Е р о д і й. Премудрая и цѣломудрая госпо?же! Наше добро во огнѣ не горит, в водѣ не тонет, тля не тлит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу есмь и в том, что щастія и нещастія нелзя видети. Обоє сіє дух есть, простѣ сказать — мысль. Мысли в сердцѣ, а сердце с нами, будьте со своими крылами. Но сердце нивидное. Ведро ли в нем и весна, и брак или война, молнія и гром,— не видно. Отсюда-то и прелщениє, когда нещасных щасливыми, вопреки же, блаженных тво?рим бѣдными.

П и ш е к. Однак я ничему не вѣрю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у мене из младых лѣт мода.

Е р о д і й. Сія мода есть слѣпецкая. Он ничему не вѣрит, поколь не ощупает лбом стѣны и не падет в ров.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ назови именем духовное твое оноє едино. Что ли оно?

Е р о д і й. Не хочется говорить. Певно, оно вам постылою покажется пустошью.

П и ш е к. Здѣлай милость, открой! Не мучи.

Е р о д і й. Оно еллински именуется — ????? или ????????????? 7 (эвфросина).

П и ш е к. Но протолкуй же, Христа ради, что значит сія твоя харя?

Е р о д і й. Будете видь смѣяться.

П и ш е к. Что ж тебѣ нужды? Смѣх сей есть пріятельскій.

Е р о д і й. Оно есть веселіє и радость.

П и ш е к. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мнѣ отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, гол да весіол! Ты мнѣ сим смѣхом на три дня здоровія призапасил.

Е р о д і й. Для мене видь лучше веселіє без богатства, нежели богатство без веселія.

П и ш е к. О мати божая, помилуй нас!.. Да откуда же тебѣ радость сія и веселіє? Оттуду, что ты гол? Вот! в какую пустошь ваша вас приводит благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чем. Веселіє так, как благовонное яблочко. Оно не бывает без яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тве?рда радостѣ, вѣтренно веселіє есть что ли? Пустая мечта — мече?тна пустыня, соніє встающаго.

Е р о д і й. Воистину тако есть. Всяк тѣм веселится, что обожает, обожает же тоє, на что надѣется. Павлин надѣется на красоту, сокол на быстроту, орел на величество, еродій же веселится тѣм, что гнѣздо его твердо на единѣ. Порицаете во мнѣ тоє, что я гол да весіол. Но сіє же то самое веселит мене, что моя надежна надѣжа не на богатствѣ. Надѣющійся на богатство в кипящих морских волнах ищет гавани. Радуюся и веселюся, яко гнѣздо наше не на сахарном ліодке?, не на золотом пѣскѣ, не на буяном возкѣ, но на облачном столпѣ возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адова вовѣк не одолѣют. Впрочем, в кую суету наша нас вводит благодарность? Не клевеците ее. Она никогда не низводит во врата адова. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата господня, неблагодарность во адская, возлюбив суету мыра сего паче бысерей, иже суть заповѣди господни, и путь нечестивых, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, им же ходят блаженны непорочный. Что бо ест оный бог: "В них же бог мыра сего ослѣпил разумы"? Бог сей есть неблагодарность. Всѣ духом ея водимый, аки стадо гергесенское, потопляются во езерѣ сует и увязают во блатѣ своих тлѣнностей, ядуще вся дни живота своего и не насыщающесея, жаждущіи, ропотливы и день от дня неблагодарны;

понеже бо не искусиша божія заповѣди имѣти в разумѣ и презрѣли вкусити ангелскаго сего хлѣба, услаждающаго и насыщающаго сердце; сего ради предаде их вышній во свинныи мудрованія искати сытости и сладости там, гдѣ ея не бывало, и бояться страха, идѣ же не бѣ страх, дабы из единыя несытости 300 и из единыя неблагодарности 600 родилося дщерей во истомленіе и мученіе сердцам и тѣлесам их и во исполненіе Исаиных слов: "Сами себѣ ражжегосте огонь вожделѣній ваших, ходите убо во пламенѣ огня вашего и опаляйтесь". Не гордость ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благовидная свѣтлость высоты небесныя, аще не заповѣди господни, просвѣщающія очи? Что же паки есть гордость, аще не бѣсовская мудрость, предпочитающая драгоценныя одежды, сластныя трапезы, свѣтлыя чертоги, позлащенныя колесницы и аки бы престол свой поставляющая вышше скиптра и царствія божія, вышше воли и заповѣдей его? Не только же, но и всѣ служебный духи (разумѣй, науки мырскія) возносятся и возсѣдают вышше царицы своея, вышше божія премудрости. Кто есть мати сих блядивых и презорливых бѣсиков? — гордость. Гордости же кто мати? — зависть. Зависти же кто? — похоть. Похоти же кто? — неблагодарность. Неблагодарности же кто? — никто! Тут корень и адское тут дно. Сія адская душка, жаждна утроба, алчная бездна, рай заповѣдей господних презрѣвшая, никогда же ничим же удовлетворяется, дондеже живет, пламенем и хврастіем похотей опаляется, по смерти же горѣ жжется угліем и жупелем своих вожделѣній. Что бо есть сердце, аще не печь, горящая и дымящая вѣчно? Что же паки есть смерть, аще не от снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую видѣ во внутреннем судилищѣ, зерцалом, тайно образующим живо беззаконія, тайно уязвляет свѣжая память, во снѣ же горѣ ужасными мечтами, страшными привидѣній театрами и дикообразными страшилищами смущает и мучит таяжде вѣчности памятная книга, грозящи достойною местию. Из неблагодарнаго сердца, аки из горнила вавилонскаго, похотный огонь пламенными крилами развѣваяся, насиліем сердце восхищает, да, яже наневидит, таѣжде и творит и тѣмижде мучится. Ничто же бо есть вѣчная мука, токмо от самаго себе осуждаться, быти достойным мести. Грѣх же достоинством, аки жалом, уязвляет душу,

покрывающей тмн и находящу страху. Надлнтает же страх оттуду, яко помыслы, не обрнтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свнта надежды; помышляя, ужасаются, рассуждая, недоумнвають, како бы уллучити исход злоключенію... Отсюду раскаеваются без ползы, болят без отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарну!

П и ш е к. Уа! Как балалайку, наладил тебе твой отец. Бряцаешь не вовся глупо. Для мене мило, что сердце есть то же, что печь.

Е р о д і й. Всякое сердце есть жертвенник, огнище или каминок...

П и ш е к. Что же ты замолк?

Е р о д і й. Желаніе есть то неугасаемый огонь, день и ночь горящій. Дрова суть то вся, желаемая нами. Сіе горнило и сія бездна — углеі огненное, куреніе дыма восходящія до небес и нисходящія до бездн пламенная волны вччно изблеваает, са?ма сущи морских бездн и ширина небес всх. Тут-то слично подобает сказать святаго Іси?дора слово. "О человек! Почто дивишься высотам звнздным и морским глубинам? Внйди в бездну сердца твоего! Тут-то дивися, аще имаши очи". О, глубокое сердце человеку, и кто познает его? О, сердце и воля, безпреднльный и безконечный аде!

П и ш е к. Видь же и твое сердце горит, и курит, и дымится, кипит, клокощет, пннится. Так ли?

Е р о д і й. Со?дома видь горит, курит и протчая, сирнчь неблагодарное сердце. О всх бо неблагодарных пишется: "Горе им, яко в путь Каинов поидоша..." Но не всх же суть сердца? Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовонныи, яко кадило дым, возвнхвающіи во обоняніе господа вседержителя. Не вчсте ли, госпоже моя, яко пеларгіянскій род есмы, раждаемый ко благодарности? Сего ради и от человек благочестивый нашим именем знаменаются (еродіос), божіе бо благоуханіе есмы. Не воздаем безумія богу, тцаніем не лннивы, духом

горяще, господе?ви работающе, упованіем радующеся, скорби терпяще, в молитвах пребывающе, о всем благодаряще, всегда радующеся.

П и ш е к. Развн же у вас благочестіе и благодарность есть тожде?

Е р о д і й. Развн же то не тожде есть: благое чествовать и благій дар за благо почитать? Благочестіе чествует тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочестность есть дочь благодарности. Благодарность есть дочь духа вһры. Тут верх... Вот вам Араратска гора!

П и ш е к. Признаюся, друже, что сердце мое нудится дивитися сердцу, неописанной (по глаголу твоему) безднн. Оно мнн час от часу удивителнне. Слово твое дһйствует во мнн, будто жало, впущенное в сердце пчелою.

Е р о д і й. Сего ради ублажаю вас.

П и ш е к. О чем?

Е р о д і й. О том, что ваше желаніе, или аппетит, начал остритися ко единой сладчайшей и спасителннйшей со всх пищей пищн. Как денница солнце, так и сіе знаменіе ведет за собою здравіе. Недужной утробн мерзка есть ядь самая лучшая и яд для нея. Здоровое же и обновленное, яко орляя юность, господем сердце преображает и яд в сладкополезну ядь. Кая спасителнне пища, как беснда о богн? И всн гнушаются. Что горестнне есть, как пароксизмами мырских сует волноватися? И всн услаждаются. Откуда сія превратностн? Оттуду, яко глава у них болит. Бо?льны, послнды же ме?ртвы, и ннсть Елиссея сих умонеду?жных и сердобольных отроков воскресити. Что бо есть в человкн глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же человку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что ли есть болящаго сего отрока, аще не перломатерь, плоть тһла нашего, соблюдающая во утробн своей бысер оный: "Сыне, храни сердце твое!" "Сыне, даждь мнн

сердце твое!" "Сердце чисто созижди во мнѣ, боже!" О блажен, сохранившій ціло ціну сего маргарита! О благодарности, дщерь господи Саваофа, здоровіе жизнь и воскресеніе сердцу!

П и ш е к. Пожалуй, еще что-либо поговори о сердцѣ. Вельми? люблю.

Е р о д і й. О любезная госпо?же моя! Повѣрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бешдывать о сердцѣ не будет вам ни омерзѣнія, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его наречены — "царское священіе".

П и ш е к. Для чего?

Е р о д і й. Для того, что вся протчая дѣла суть хвост, сіе же ест глава и царь.

П и ш е к. Ба! А что значит глум? Я вовсе не розумію. Мню, яко иностранное слово, сіе.

Е р о д і й. Никако. Оно есть ветхославенское, значит то же, что забава, еллински (???????? — діатріба), сирѣчь прохождение времени. Сей глум толико велик, яко нарочито бог возбуждает к нему: "Упразднитесь и уразумѣйте", толико же славен, яко Давид им, яко же царским, хвалится: "Поглумлюся в заповѣдех твоих". Древле един точію Израиль сею забавою утѣшался и наречен языком святым, протчіи же языцы, гонящіи и хранящіи суетная и ложная,— псами и свиніями. Сей царскій театр и дивный позор всегда был присный и неразлучный всѣм любомудрым, благочестивым и блаженным людям. Всякое позорище ведет за собою скуку и омерзѣніе, кромѣ сего; паче же сказать: чем болѣе зрится, тѣм живѣе рвется ревность и желаніе. Елико внутренне отверзается, толико множайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайшій и насытый сот вѣчности? Мыр насытый есть, яко не удовлетворяет. Вѣчность насыта, яко не огорчает. Сего ради глаголет: "Сыне, храни сердце твое". Разжевав, скажите так: "Сыне, отврати очи

твои от сует мирских, перестань примечать враки его, обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тут днлай наблюдєнїя, тут стань на стражї со Аввакумом, тут тебї обсерваторїум, тут-то узриш, чего никогда не видал, тут-то удивишься, насладишься и успокоишься".

П и ш е к. Но для чего, скажи мнї, всї сердце презирают?

Е р о д і й. Для того, что всї его цїны не презирают. Сердце подобно царю, во убогой хижинкї и в разї живущему. Всяк его презирает. А кому явилось величїе его, тот, пад ниц, раболїпно ему поклоняется и сколь можно, все презрїв, наслаждается его и лица и бесїды. Слово сїе: "Сыне, храни сердце твое" — сей толк и сок утаева?ет. Сыне! не взирай на то, что твое тїлишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, по?ртище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. В хижинкї той и под убогою тою одеждою найдешь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, петру и спасете твое. Быстро только храни, блюда и примїчай. А когда паки Давид гово?рит: "Поглумлюся в зап[овїдех] твоих" — не то же ли есть, что сказать так: "Наслаждуся твоего лица, словес твоих, совїтов и повелїнїй"? Самое видь величїе его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустой видь вопль сей: "Исповїмся тебї, яко страшно удивил мя еси". В древняя лїта между любомудрыми востал вопрос сей: "Что ли есть наибольшее?.." О сем всї размышляли чрез долгое время, лїтом и зимою, нощїю и днем. Породилися о сем книги. Отдавалося от ученых гор по всей вселеннїй многое многих отвїтов и разногласное эхо. Тогда-то размїсишася и слїяшася языцы. Востал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотворенїи обрїтєся муж нїкїй, не ученый, но себе прозрївшїй. Сей, паче надежды, обезглавил Голиафа. Смутилася и воскипїла вся мусикїя, поющая пїсни бездушному истукану, тлїнному сему миру, со златою его главою — солнцем. Злоба правдї прирази? лась, но о кифу вся разбилась. Востали борющїя волны, но побїду достала славна сїя слава: "Посредї (рече) вас живет то, что превыше всего есть". О боже, коль не слична мусикїя без святаго духа твоего! И коль смїхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю

вас, любезная госпо?же моя, не см?йтеся и не хулите отца моего за то, что ничего нас не научил, кром? благодарности. Я стану плакать, утеку и полечу от вас.

П и ш е к. Постой, постой, любезный мой Еродій. Нын? не только не хую отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нын? начало мн?, аки утро зарыть, тако открыватися, коль великое дело есть благодарность! Сотвори милость, еще хотя мало побес?дуй.

Е р о д і й. О доброд?йко моя! Пора мн? за моим д?лом л?т?ть.

П и ш е к. Друзе мой сердечный! Я знаю, что отец твой есть милосердая и благочестивая душа, не разг?вается за с?е.

Е р о д і й. Чего ж вы желаете?

П и ш е к. Еще о сем же хоть мало побес?дуем.

Е р о д і й. Станем же и мы ловить птицу тысячу л?т.

П и ш е к. Что се ты сказал?

Е р о д і й. Вот что! Н?кій монах 1000 л?т ловил прекрасн?йшую из вс?х птиц птицу.

П и ш е к. Знал ли он, что уловит?

Еродій. Он знал, что ее вов?ки не уловит.

П и ш е к. Для чего ж себе пусто трудил?

Е р о д і й. Как пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуют. Забава есть врачевство и оживотвореніе сердцу.

П и ш е к. Вот развн чудный твой глум и дивная діатриба?!

Е р о д і й. Воистину чудна, дивна и прекраснїйша птица есть внчность.

П и ш е к. О! Когда внчность ловил, тогда не всеу трудился. Внрую, что она слаже меда. Посему великое днло есть сердце, яко оно естн внчность.

Е р о д і й. О любезная мати! Истину рекла еси. Сего толикаго дара и единого блага слнпая неблагодарность, не чувствуя за 1000 безднлиц, всякїй день ропщет на промысл внчного и сим опалается. Обратися, окаянное сердце, и взглянь на себе самое — и вдруг оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездно? Како воля твоя низвергнула тебе во мрачную сію бездну, преобразив свнт твой во тму? Любезная мати, разумнете ли, откуда родится радуга?

П и ш е к. А скажи, пожалуй, откуда? Я не знаю.

Е р о д і й. Когда смотрит на себе в зарца?лн пречистых облачных вод солнце, тогда его лице, являемое во облаках, есть радуга. Сердце человеческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждает преднл обуреванїй, иже есть радостная оная дуга Ноева:

Прошли облака,

Радостна дуга сіяет.

Прошла вся тоска,

Світ наш блистает.

Веселіє сердечное есть чистый свѣтъ ведра, когда миновал мрак и шум мырскаго вѣтра.

Дуга, прекрасна сіяніем своим, како ты нынѣ отемнѣла? Деннице пресвѣтлая, како нынѣ с небесе спала еси? Ау! Низвергла тебе гордость, дщерь безчувственныя неблагодарности, предпочетшая хобот паче главы, снѣхъ преходящу паче мамврейскаго дуба. Еже бо кто обожает, в то себе преображает. Удивительно, како сердце из вѣчнаго и свѣтлаго преображается в темное и сокрушенное, утвердившися на сокрушеніи плоти тѣла своего. Таков, аще себѣ зол, кому добр будет? "Разумивый же праведник себѣ друг будет и стези своя посреде себе упокоит". Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе — ѣмѣть дома, внутрь себе, все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своя, от самага сердца, аки тѣнь от своего дуба, и аки вѣтвы от корене, и аки одежда от носящаго ее, зависящая. Вот тогда-то уже рождается нам из благодарности матерѣ подобная дщерь, еллински именуемая ?????????? (автаркѣя), сирѣчь самодовольность, быть самым собою и в себѣ довольным, похваляемая и превозносимая, яко сладчайшій истиннаго блаженства плод, в первом Павловом письмѣ к Тимофею, в стихѣ 6-м так: "Есть снисканіе веліе — благочестіе с доволством". Вот вам два голубиная крила? Вот вам двѣ денницы! Двѣ дщери благодарности — благочестность и самодовольность. "И полещу и почию". Да запечатлѣтся же сія бесѣда славою отца моего сею: главизна воспитанія есть: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности.

П и ш е к. Ба! На что ж ты поднял крила?

Е р о д і й. Прощайте, мати. Полечу от вас. Сердце мое мнѣ зазирает, что не лечу за дѣлом.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ привитайся з дочерьми моими.

Е р о д і й. Здѣлайте милость! Избавте мене от вашего типика.

П и ш е к. Мартушка моя поиграет тебѣ на лютнѣ. Вертушка запоет или потанчит. Они чрез верх благородно воспитаны и в модѣ у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они пѣсенки слагают? И вѣришь ли, что они в модѣ при дворѣ у Марокскаго владѣльца? Там сынок мой пажем. Недавно к своей роднѣ прилетѣл оттуда здешній попугай и сказал, что государь жалова?л золотую табакирку...

Е р о д і й. На что ему табакирка?

Пише к. Ха-ха-ха! На что? Наша видь честь зависит, что никто удачнѣе не сообразуется людям, как наш род. Носи и имѣй, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Е р о д і й. Не знаю.

П и ш е к. Имя ему Пѣшок. Весьма любезное чадо.

Е р о д і й. Бога ради, отпускайте мене!

Пише к. Куда забавен скакун! Как живое серебро, всѣми составами мает. Принц любит его, цѣлые часы проводит с ним, забавляясь.

Е р о д і й. О сем его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

П и ш е к. Постой, друг мой, постой! А о благом рожденіи не сказал ты мнѣ ни слова? Так ли? О-о, полетѣл! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, скачал...

В е р т у ш к а. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рожденіи принесу вам карту.

П и ш е к. А когда же то будет?

Еродіи не лгут. Он в слѣдующем мѣсяцѣ маѣ паки посѣтил сію госпожу. Принес о благом рожденіи свиток, но не мог ничем се утѣшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жесточае не свирѣпѣет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надѣжду свою на лживом морѣ мыра сего и на лжекамнях его, узрит, наконец, опроверженное гнѣзно свое и разоряющійся град ложнаго блаженства. Господин Пѣшок, прескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшія дщери начали безчинствовать и хамским досаждепіем досаждают матерѣ. Вскоре она умре, дом же стал пуст. Тогда, аки желѣзо на водѣ, всплыла на верх правда, яко силнѣе всего есть страх божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродій, отлѣтая, повѣсил на цвѣтущем фнникѣ лист сей:

СВИТОК

о благом рожденіи чад ради благочестивых,

сострастных и здравых родителей.

Сѣй в перву и втору луну, сирѣчь в квадрѣ,

Сѣй, изшед из пиров и бесѣд священных.

Зрѣв мертвеца или страшен позор не сѣй

Заченшей сверх не сѣй Не в мѣру пян не сѣй.

Заче?нша да носит в мыслях и в позорах святых,

И в бесѣдах святых, чужда страстных бурей,

В тихом безстрастїи во зрнїи свягых.

Тогда собудется: "И пройде дух хлада тонка и тамо бог" (Книга Царств).

По сем гайстер вознесся выспрь, воспївал малороссїйску пісенку сію:

Соловеечку, сва?тку, сва?тку!

Че бывал же ты в садку, в садку?

Че видал же ты, как шют мак?

Вот так, так! Шют мак.

А ты, шпачку, дурак...

Сію пісенку мальчики, составив лик, сирїчъ хор, или коровод, домашній его пївчїй во увеселенїе спївали святому блаженому єпископу Юсафу Горленку.

А м и н њ.

1 [Quadra] — четверть (лаг.).

2 ХСІТQE есть поздравленїе еллинское — радуйся! Салам — турецкое. Славянски — мир да будет тебѣ! Прим. Ск.

3 Бонжур — французское — добрый день! Кали? име?ра — грецкое слово — то же. Прим. Ск

4 Gehorsamer Diener — нїмецкое — покорный слуга. Прим. Ск.

5 Salve (салве) — римское — благоденствуй! Спасайся! Прим. Ск.

6 [Urina] —сеча (лат.).

7 Радість (грецьке).